

Вадим Россик

Тёмный Человек

Книга вторая

Вадим Россик
Тёмный Человек
Серия «Книга», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8958558
ISBN 978-5-4474-0442-0*

Аннотация

Месьер Мартиниус везет на далекую окраину королевства старинную шкатулку. В пути путешественника преследует злой рок. Оказывается, шкатулка скрывает много ужасных секретов...

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Шкатулка	9
Глава вторая. Начало пути	13
Глава третья. Осы	17
Глава четвертая. Продолжение пути	22
Глава пятая. Вилемусбург	25
Глава шестая.	28
Глава седьмая. Нападение	32
Глава восьмая.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Тёмный Человек

Книга вторая

Вадим Россик

© Вадим Россик, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог

Гведское королевство. Сто пятьдесят лет назад. Середина лета

Смерть косила беспощадно уже второй месяц. Еще вчера какой-нибудь городской ремесленник прилежно трудился в мастерской или селянин из окрестной деревни в поте лица обрабатывал свой клочок земли, а уже на следующий день человек вдруг покрывался отвратительными гнойниками, кожа темнела, трескалась, из ран тек вонючий гной, невыносимая боль скручивала суставы и, промучившись несколько бесконечных часов, несчастный погибал. Вслед за хозяином умирала его жена, потом дети, потом смерть приходила за их родными. Целые семьи исчезали с лица земли в течение нескольких дней. Жадная смерть не щадила ни знатных месьеров, ни простолюдинов.

По узким, кривым улочкам Гвинбурга – главного города баронии – нескончаемой чередой тянулись скорбные процессии, сопровождаемые унылым пением молитв, надрывным плачем и стенаниями. Все в одну сторону – в сторону городского кладбища. За воротами кладбища грохочущие дроги с трупами встречал священник и наскоро отпевал покойников. После завершения ритуала, тела сваливали в яму, обкладывали дровами и подносили горящие факелы. Земли для этих братских могил уже не хватало.

Над непроходимыми лесными чащобами, в тех местах, где на расчищенных полянах стояли бревенчатые домики, редких в этой глухой стороне, деревенок, вились косматые клубы темного дыма. Отвратительный запах пугал даже закаленных ужасами войны наемников из стражи замка Барбакан. Зловещие столбы дыма в голубом небе указывали, где, еще оставшиеся в живых селяне, сжигали тела своих родственников, друзей, соседей.

В Гвинбурге на Рыночной площади, плотники целую неделю с утра до вечера пилили, строгают, сверлили неподатливое дерево. Здоровенные бородачи с натужным уханьем вбивали в звонкие сосновые доски блестящие гвозди длиной в три пальца. Плотники спешили. Приказ барона Арнольди был предельно ясен: как можно скорее закончить работу, чтобы спасти тех, кого еще можно спасти. Чтобы не останавливать стройку ни на час, еду и питье плотникам привозили прямо на площадь. Мясо, хлеб, пиво. Одна артель строителей сменяла другую. Обессиленные древотесы, наскоро подкрепившись, ложились здесь же – на площади. В стороне для них были приготовлены охапки соломы, привезенные из замка. Плотники заворачивались в плащи и мгновенно проваливались в сон. Более надежная крыша, чем небо, им не требовалась, так как погода с начала весны стояла сухая и жаркая. Стройку охраняли стражники с копьями, в железных кирасах, кольчугах, с прямоугольными щитами на которых красовался баронский герб – золотой единорог, яростно вставший на дыбы. Через семь дней лихорадочной работы посреди площади появился высокий помост с шестью виселицами.

На восьмой день городские глашатаи собрали народ на Рыночной площади. Все, кто мог еще передвигаться и оставить дома без присмотра больных родственников, явились к месту казни. Перед свежесрубленной постройкой видны были важные лица и золотые цепи городских вельмож. За ними негромко переговаривались пузатые торговцы, бородастые старшины ремесленных цехов, зажиточные владельцы пригородных хозяйств. А позади тонкой линии знати и богачей, колыхалось и бурлило море простолюдов. Жители кварталов колбасников, кузнецов, точильщиков, медников, шорников, трубочистов, суконщиков, обойщиков, фонарщиков, извозчиков и других кварталов, населенных мастеровым людом, яростно толкались, пробираясь поближе к страшному месту, или угрюмо стояли, в ожидании начала. В плотной толпе горожан, там и сям, виднелись небольшие группы селян из ближних дере-

вень: Вилемов Двор, Каменный Мост, Перепутье. Среди собравшихся, сновали, в поисках несправедливой наживы, лихие остроглазые карманные воришки. Все ждали барона Арнольди.

Тревожно провыли сигнальные рожки стражи, все замерли, наступила тишина, только резко хлопали на ветру флаги над магистратом и каркали вороны с крыш. На помосте, перед собравшимися, появилось несколько человек. Впереди, лязгая железом, шел сам владетель Гвинбургской баронии достославный барон и кавалер Гвимар Арнольди. Барон был в шлеме с открытым забралом, в посеребренной кольчуге, весь с головы до ног обвешанный оружием, как будто собрался на войну. За ним, опираясь на резной посох, украшенный фигуркой святого Гведикуса, с трудом ковылял епископ отец Фелициан. Он тяжело дышал – годы у него были преклонные. Но длинная седая борода воинственно развеивалась, как отрядное знамя. Следом за ними по широкой лестнице вскарабкались бургомистр Крен, помощник епископа Гуг, секретари вельмож, писцы и несколько стражников со своим начальником.

Колокол городского собора начал отбивать полдень. Люди согласно повернулись к собору, обнажили головы и стали молиться, крестясь. Барон Арнольди терпеливо ждал, когда утихнет звон. Его губы беззвучно шевелились. Он молился о том, чтобы у него достало силы совершить сегодня то, что он был должен совершить. Когда последний печальный звук поющей меди растаял в воздухе, барон зычно обратился к собравшимся:

– Жители Гвинбургской баронии! Вы все знаете, какая громадная беда пришла в наши края. Смерть уносит все больше наших родных в Темную Долину, в которой они теперь останутся на веки вечные. Почтенные старцы, люди в самом цвете лет, ребяташки, даже невинные младенцы из колыбелей!

Барон сделал паузу, чтобы перевести дух. В толпе многие женщины уже начинали вытирать платками мокрые глаза и всхлипывать. Мужчины стискивали кулаки в бессильном гневе. Барон хмуро оглядел народ. Потом продолжил своим раскатистым басом:

– Почему же нас постигло это несчастье? Чем провинились мы перед Создателем? За что он послал нам такое страшное испытание?

Ответа не было. Все молчали. Люди ждали, что скажет барон Арнольди. Народ его уважал. Несмотря на молодость, а барону недавно исполнилось только тридцать лет, он проявил себя, как мудрый правитель, предусмотрительный и отважный воин. Несколько лет назад гвинбургское ополчение под командой барона Арнольди успешно отразило набег беспокойных южных соседей – кочевников-имолов, чьи лица напоминают маски, а кожа желтого цвета, как песок в Великой Желтой пустыне. Барон разбил воинственных дикарей на берегу Вилемины, но благоразумно не стал их преследовать. Кто знает, чем бы закончился для гвинов безрассудный поход в неизвестные степи за Красными горами.

– Я знаю, жители Гвинбургской баронии, кто виноват в нашем горе! Из-за кого вы хороните каждый день своих близких!

Барон опять сделал тягучую паузу, несколько подождал и, когда все без исключения взгляды сошлись на нем, с яростью крикнул:

– Ведьмы! Проклятые прислужницы Хозяина Тьмы! Вот кто повинен в тысячах смертей!

Площадь разом ахнула. Люди начали переглядываться, перешептываться. Толпа загудела как огромный улей, задвигалась. Барон резко поднял вверх руку в блестящей латной рукавице. Гул мгновенно стих.

– Но час возмездия пробил! Сегодня, на этом месте, мы разделаемся с нечистью. Ведьмы будут сначала повешены, а потом их мерзкие трупы мы сожжем вместе с помостом. Чтобы эти дьявольские отродья унесли свое проклятое колдовство с собой в ад!

Барон замолчал и посмотрел на лестницу. По ней стражники уже вели на помост шесть женщин. Шесть странных сгорбленных фигур в черных саванах, со связанными за спиной руками, с лицами скрытыми под капюшонами. Стражники в напряженной тишине подтолк-

нули остриями копий каждую фигуру под предназначенную для нее петлю. Толпа застыла. Казалось, что умолкли даже бесцеремонные вороны.

Помощник епископа Гуг вытащил из складок своей сутаны свиток. Повинуясь знаку барона, он вышел вперед и принялся рвать тишину своим ушераздирающим фальцетом:

– Ты Астрелия Гильом, ты Аквелина Градус, ты Гведелупа Кароли, ты Ивельда Линг, ты Каролина Левант и ты Матильда Левант обвиняетесь в том, что вы своим богомерзким колдовством навлекли на Гвинбургскую баронию смерть. Из-за вашего злодейства в страшных мучениях погибли бессчетные невинные люди. Наш милостивый и справедливый суд, при помощи пытки водой и огнем, доказал вашу вину и определил наказание. Все ведьмы будут повешены за шею до смерти, в сердце им будет вбит осиновый кол, а потом тела сожжены. Во имя Гвеции, да будет так!

Гуг свернул свиток, окинул опасливым взглядом неподвижные фигуры у виселиц и сделал шаг назад. Старый епископ троекратно перекрестил толпу. Над площадью прошестел его немощный голос: «В Священном Писании сказано: Врагов же моих, тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избежите предо мною!¹» Писцы усердно скрипели перьями, стараясь записать каждое сказанное слово.

Отец Фелициан кивнул барону. Барон Арнольди кивнул бургомистру Крену. Толстяк-бургомистр кивнул начальнику стражи. Начальник стражи повернулся к своим подчиненным и тоже кивнул. Стражники накинули на шеи безмолвных смертниц петли. Люди на площади тоже молчали в нетерпеливом ожидании дальнейшего. Матери закрывали руками глаза своим маленьким детям, а те старались хоть одним глазком увидеть, что происходит на помосте. Люди жгли ведьм ненавидящими взглядами. Сострадание покинуло их ожесточившиеся сердца. Слишком много смертей случилось в городе этим летом. Епископ пробормотал короткую молитву своим слабым голосом. Гнусаво завывали рожки. Барон поднял вверх руку и резко ее опустил. По этому сигналу под ногами женщин в черных саванах с пронзительным скрипом открылись люки и ведьмы полетели вниз. Толпа снова дружно ахнула. Толстые веревки не позволили телам удариться о землю. Все шесть повисли под помостом, извиваясь и дергаясь в ужасных мучениях. Видно было, как натянутые веревки перекручивались и дрожали. Из-под помоста послышались стоны, хрипы, мычание. Теперь стало понятно, почему ведьмы до сих пор не произнесли ни слова – их рты были прочно запечатаны.

Казалось, что еще несколько мгновений и ведьмы перестанут биться в агонии. Но тут случилось ужасное. Веревка, на которой умирала одна из ведьм, не выдержала рывков и оборвалась. Грузное тело тяжело ударилось о булыжник площади. Под насмешливые выкрики и улюлюканье толпы, стражники на руках вынесли ведьму из-под помоста. С трудом снова подняли ее наверх. Тем временем порванную веревку заменили. Но когда стражники хотели опять надеть петлю ведьме на шею, та неожиданно с яростной силой вырвалась из их рук. Пути, связывавшие ее руки, ослабли и женщина смогла освободить их. Ведьма отскочила от виселицы, сорвала капюшон с головы, выплюнула кляп. Ветер взметнул вверх длинные седые волосы и кинул их на изможденное, морщинистое лицо с горящими неистовой ненавистью глазами.

Отец Фелициан проковылял до виселицы, встал перед ведьмой, поднял руку с зажатым в ней золотым крестом и грозно, несмотря на свою немощь, произнес:

– Астрелия Гильом! Именем Создателя, оставь людей, которым ты причинила столько горя! Уйди с миром в Темную Долину!

¹ Евангелие от Луки (19:27).

Ведьма оглядела притихший народ, кучку людей на помосте, с тоской посмотрела в голубое небо с появившимися на нем темными тучками. Потом прокаркала сиплым голосом:

– Будьте вы прокляты! Ты барон, ты Фелициан, ты Крен и ты Гуг! Вы – наши несправедные судьбы! Вы – наши жестокие палачи! Будьте вы все прокляты до седьмого колена! Пусть каждый из вас и ваших проклятых потомков испытает те страдания, на которые вы осудили шесть невинных женщин, а потом умрет! За каждым из вас придет Темный Человек и заберет вас в самую глубину ада! О, Темный Человек! Услышь меня! Уничтожь, раздави, убей, задуши проклятых мною! Пусть они зачахнут, утонут, пусть все их члены растворятся! Забери их души, вырви сердца, печень, селезенку, о, Темный Человек!

Она вдруг высунула длинный багровый язык и издевательски проблеяла в белые от ужаса лица своих мучителей:

– Беее!

Спустя сто пятьдесят лет. Гведское королевство. Квакенбург. Лето

Глава первая. Шкатулка

Однажды летним вечером Мельхиор сидел на кухне и с любопытством смотрел, как Саския готовит ему яичницу на ужин. Сначала кухарка задумчиво постояла перед шеренгой висящих на стене сковород, прикидывая в уме, на что годится каждая из них. Сделав выбор, она поставила на огонь одну, большую, чугунную, с крышкой и удобной ручкой. Хорошенько нагрев сковороду, Саския налила в нее свежего подсолнечного масла, только сегодня купленного ею самой на рынке. Затем она разбила в чашку четыре крупных куриных яйца и осторожно размешала, стараясь ни в коем случае их не взбалтывать. Убедившись, что в чашке однородная масса, мастерица вылила эту массу на сковороду и продолжила размешивать яйца уже на ней. При этом она периодически снимала посудину с огня. Когда яичница стала похожа на тесто, Саския торжественно переложила кушанье на тарелку и поставила перед Мельхиором.

– Ну-ка, попробуйте настоящую ксантскую яичницу, молодой месьер, – ласково произнесла кухарка. Певучий северный говор очень шел ей, такой свежей, румяной, в чистеньком фартучке и кружевном чепчике на темных кудрявых волосах, едва тронутых сединой. Саския была родом из окрестностей Ксанта, этой далекой столицы гведского севера. Хотя она уже много лет жила в Квакенбурге, тем не менее, по-прежнему, говорила так, как привыкла с детства – мило растягивая гласные и немного в нос.

Мельхиор уже раскрыл рот, чтобы поблагодарить кухарку, но тут в кухне прозвучала резкая трель. Нетерпеливая и нервная трель. Такая же нетерпеливая и нервная, как человек, нажавший на кнопку звонка в своем кабинете этажом выше. Месьер Мартиниус – известный столичный нотариус требовал к себе своего помощника.

Печально посмотрев на нетронутую яичницу, Мельхиор вышел из кухни и поднялся на второй этаж в кабинет нотариуса.

– Вы меня звали, доминус?² – спросил своего шефа Мельхиор, зайдя в кабинет. Нотариус проводил большую часть времени здесь и поэтому постарался сделать свое рабочее место максимально удобным. Кабинет был, пожалуй, самым большим помещением в кирпичном особняке под номером пятьдесят пять на Зеленой улице. Высокий потолок с бронзовой люстрой. Стены отделаны дубовыми панелями, увешанными грамотами и дипломами. Простенки между окон украшены картинами. Стрельчатые окна, полузакрытые плотными бархатными шторами. Толстый цветной ковер на полу. Книжные шкафы набиты книгами. Посреди кабинета – огромный резной письменный стол из темного дерева. За столом, в удобном кожаном кресле, сам хозяин – маленький, худой, сутулый от ежедневного многочасового сидения, лысый человечек. Доктор Мартиниус – нотариус из Квакенбурга собственной персоной.

– Вы должны признать, Мельхиор, что эти новомодные электрические звонки, очень удобная придумка! – воскликнул нотариус, своим писклявым голоском, энергично потирая длинный острый нос, пальцами, испачканными синими чернилами. – Входите же скорей и садитесь поближе к столу. Я хочу показать вам одну занятную вещицу!

Юноша послушно занял место в кресле у стола.

– Смотрите, Мельхиор, – возбужденно продолжал нотариус, двигая по полированной столешнице в сторону молодого человека большую шкатулку из красного дерева. – Какая любопытная штукавина!

Мельхиор привстал с места и открыл шкатулку. В ней находился довольно странный набор предметов. Юноша начал по очереди вынимать их. Пока он выкладывал их на пись-

² Dominus – господин (лат.).

менный стол, нотариус, загадочно улыбаясь, молча следил за его действиями. Пять серебряных кинжалов, холщовый мешочек с землей, бутылочка, полная воды, молитвенник с длинной кожаной закладкой, массивный перстень, покрытый непонятными знаками.

– Зачем все это, доминус? – недоуменно спросил Мельхиор патрона, когда шкатулка, наконец, опустела и ее содержимое, беспорядочной грудой, загромодило стол.

– О, мой юный друг и помощник! – несколько высокопарно произнес нотариус. – Вы видите перед собой уникальную вещь. Это, не что иное, как настоящее старинное снаряжение для борьбы с Темным Человеком! Полный комплект! Шкатулку принес один мой знакомый – доктор Зудик. Она досталась ему по наследству – от отца, а тому, в свою очередь, от его отца. Доктор сказал, что снаряжение находится в отличном состоянии и готово к использованию.

Мельхиор скривился. Он помнил плоского, как ладонь, доктора Зудика – сурового адепта вегетарианства. Из-за вздорных теорий доктора, они в прошлом году целый месяц питались морковными котлетами. Саския проливала горькие слезы на кухне каждый день, готовя овощные деликатесы, пока, наконец, сам нотариус не выдержал. На радость кухарке он выкинул на помойку морковные котлеты, жаркое из кабачков и капустный рулет с начинкой из топинамбура.

– А для чего земля и вода? – задал новый вопрос Мельхиор, взвешивая на руке мешочек. «Тяжелый!»

– Это земля с могилы Святого Вилема, в честь которого названа столица Гвинляндии, Вилемусбург. Многие верят, что такая земля обладает чудесными свойствами, – усмехнулся нотариус.

– А вода?

– Просто святая вода из ближайшей церкви.

Мельхиор еще раз осмотрел шкатулку и странные предметы, извлеченные из нее. От них веяло чем-то неприятным. Даже брать в руки их не хотелось. Переборов себя, Мельхиор покрутил в руках перстень. Потом попробовал надеть его на указательный палец левой руки. Перстень оказался немного великоват. Мельхиор вопросительно посмотрел на шефа.

– А перстень зачем?

Нотариус важно поднял длинный острый палец вверх.

– Если надеть перстень на палец, мой мальчик, а потом произнести нужное заклинание, то станешь невидимым. И Темный Человек тебя не заметит. Вот только никто уже не помнит это заклинание.

Мельхиор побыстрее снял перстень с пальца и положил на стол. Конечно, он не знал никаких заклинаний, но кто его знает. Вдруг в этой колдовской штуке что-нибудь сбилось. Не дай Гведикус, еще заработает! Мельхиор совсем не хотел превращаться в невидимку, хоть и не верил во всякие чудеса. Но лучше не испытывать судьбу.

Юноша заметил, что в последние дни старый нотариус неожиданно увлекся нечистой силой. Всякими там суккубами, инкубами, лешими, шишигами, жихарками, кикиморами, анчутками, китоврасами, вершками и злыднями. В кабинете Мартиниуса стали появляться загадочные амулеты, старинные молитвенники, обтянутые истертой кожей, толстые черные свечи для таинственных обрядов. На письменном столе и в креслах грудями лежали сочинения типа «Похоронный обряд ордена Гведских Братьев и Сестер», «Черная магия и ворожба», «Триста тридцать три формулы Зла», «De natura daemonum»³, «Изготовление Настоя забвения в домашних условиях». А теперь еще и эта странная шкатулка! Мельхиор испытывал инстинктивную неприязнь к потустороннему миру, всяческой волшбе и чародейству.

³ «О природе демонов» (лат.) Ананий.

– Осмелюсь просить, доминус, зачем доктор принес свою шкатулку вам?

– Все очень просто, Мельхиор. На прошлой неделе, мы с доктором Зудиком сидели в «Румянном яблоке», что на аллее Старого короля и дегустировали золотистую хинную настойку из Новой Гвееции. Вы знаете, что я, мой милый друг, питаю, гм, некоторую слабость к хинной настойке.

Мельхиор кивнул. Еще бы!

– Так вот. В дружеской беседе, доктор упомянул, что его брат – гвинбургский священник отец Кароль, попросил его прислать ему эту семейную реликвию. Старинная шкатулка с незапамятных времен хранится в их семье. Уже лет сто, если не больше!

Мельхиор опять кивнул. Для экономных и запасливых гведов не было ничего удивительного в том, что такая шкатулка передавалась из поколения в поколение.

– Отец Кароль написал, что речь идет о чрезвычайно важном деле, о котором он пока не может рассказать. В общем, сам доктор поехать не может, королевской почте он не доверяет, поэтому оказался в затруднении, каким образом выполнить просьбу брата. Я и предложил свои услуги. Мне давно хотелось побывать на крайнем северо-западе нашего благословенного королевства, в Гвинляндии. Сейчас дел у меня не много, поэтому я вполне могу позволить себе маленькое путешествие.

«Ничего себе маленькое! – подумал про себя Мельхиор. – Трястись в скрипучей почтовой карете за тридевять земель в Гвинбург для того, чтобы вручить выжившему из ума священнику кучу старого барахла!»

Мельхиору ни капельки не хотелось покидать свою уютную комнату на втором этаже симпатичного домика на Зеленой улице ради долгого и трудного пути в лесную глухомань. Всем известно, что старинный город Гвинбург прячется в самой чаще Гвинского леса. Что там смотреть? Вся Гвинляндия – это река Вилемина да бесконечные дремучие леса по обоим берегам. Несмотря на молодость, в отличие от легкого на подъем патрона, он был завзятым домоседом.

– Вот только, что делать с Барабарой? – задумался нотариус. – Я не решусь оставить девочку одну с Саскией. У меня не хватит мужества обречь Саскию на такое суровое испытание. Наверное, Барабару придется взять с собой. Как вы думаете, Мельхиор?

Барбаре Мартиниус недавно исполнилось девять лет. Все родные звали шумную непоседливую девчонку Барабарой. Отец Барабары, Винцент Мартиниус, приходился нотариусу младшим братом. Он с женой и дочерью жил в тихом пригороде Квакенбурга Зеленграде. Зеленград – это почти деревня, застроенная краснокирпичными коттеджами, окруженными цветочными клумбами. Розы, астры, канны, иксии, вербены, лилии, гортензии, пионы. Спокойно, малоллюдно, лишь негромкое жужжание пчел нарушает тишину. Там чудесно, но в это лето Барабара гостила в городе у дяди, наполняя жилище нотариуса смехом, визгом, писком, плюшевыми медведями, куклами, разноцветными лентами, мячиками и леденцами, оставленными, где попало. Родители невозможной племянницы блаженно отдыхали, моля каждый день всех святых, чтобы у нотариуса хватило терпения хотя бы на месяц.

– Короче говоря, решено! – хлопнул в ладоши маленький нотариус, не дожидаясь ответа своего помощника. – В самом деле, что тут долго раздумывать? Барабара поедет с нами. Собирайте вещи, Мельхиор. Берите с собой только самое необходимое. Завтра утром отправляемся в путь!

Мельхиор промолчал. Лишь, отвернувшись, скорчил самому себе кислую мину. У него уже был печальный опыт путешествий с нотариусом. Прошлым летом их поездка в замок Три Башни закончилась тремя смертями⁴. Но с патроном не поспоришь. Если старик вобьет

⁴ Эти события описаны в повести «Нотариус из Квакенбурга».

что-то себе в голову, то это «что-то» оттуда никакими клещами не вытащишь. Остается только надеяться, что все пройдет гладко и никто не пострадает!

Глава вторая. Начало пути

Скрипучая, как Мельхиор и ожидал, зеленая почтовая карета неторопливо ползла по узкой посыпанной щебнем дороге на северо-запад к Атласным горам. Аскольдон – западная окраина Квакенбурга остался позади. Путешественники пересекли пояс пригородных дач и углубились в чашу Зеленого леса. Три пары могучих лошадей вольдемарской породы привычно тянули тяжелую повозку среди деревьев. Однообразные черно-белые столбики, увенчанные коронованным гведским орлом, добросовестно отсчитывали пройденные мили.

Было еще совсем рано. Солнце пока пряталось за частоколом высоких сосен и елей, но его длинные горячие лучи уже жадно тянулись к земле. Утренняя прохлада приятно охлаждала путников, хотя было ясно, что день будет жарким.

Кроме нотариуса, Мельхиора и Барабары, спящей на узком обтянутом кожей сиденье, в карете находились еще пять человек. У передней стенки нахохлились три монахини в черных одеждах, подпоясанных белыми веревками: Гведские сестры Гармония, Эмилины и Абибель. Сухая и тощая Абибель была у них за старшую. Гармония и Эмилины почтительно называли ее: «Моя более совершенная сестра». В свою очередь Абибель обращалась к ним: «Мои менее совершенные сестры». Монахини не выпускали из рук молитвенники. На их запястьях и щиколотках босых ног были намотаны разноцветные шнурки: амулеты для защиты от злобных духов.

В середине повозки непоседливо ерзал маленький, жилистый военный. Несговорчивый подбородок, огромные усы и длинная сабля предупреждали всех, что с этим офицером нужно держать себя в высшей степени уважительно. При посадке в карету офицер гордо отчеканил: «Ротмистр Альфонс Ромуальд Бартоломей Гильбоа. Третий королевский линейный Флорианский гусарский полк. К вашим услугам!» Гусар должен был сойти в Вилемусбурге, где стоял его полк.

Ротмистр бросал пыльные взгляды на свою соседку: девушку лет двадцати в неброском дорожном платье. Его молодую попутчицу звали Мелодия. Стройная белолицая брюнетка среднего роста, с головы до ног укутанная в темный плащ. В ней не было ничего примечательного кроме широкого золотого кольца замысловатой формы на мизинце левой руки и бездонных черных глаз, которые девушка скромно опускала под огненно-жгучими взорами гусара. Мельхиор, в отличие от темпераментного гусара, старался не встречаться взглядом с Мелодией. Девушка ему тоже очень нравилась.

Кроме пассажиров и багажа в дальний путь отправились еще два человека: фореитор Георг и кучер Феликс. Молодой фореитор ловко сидел на одной из лошадей ведущей пары, а кучер управлял двумя последними парами. Старшим был Феликс – пожилой, серьезный, уса́тый квак (так называют коренных жителей Квакенбурга). Он уже лет двадцать водил почтовые кареты. Георг был его новым помощником. Прежнего фореитора директор королевской почты недавно назначил кучером и теперь проверенный товарищ Феликса работал на линии, связывавшей столицу с Ориентом. Сидя на облучке, старый кучер недовольно грыз длинный седой ус и время от времени злобно покрикивал на лошадей. Феликс не любил перемен и тяжело привыкал к новым порядкам.

Пока карета неторопливо катила по дороге, попутчики волей-неволей завязали разговор. Монахини рассказали о том, что ездили в Квакенбург, чтобы посетить главный храм Гведского королевства собор Темплум Домини⁵. Им удалось встретиться с архиепископом отцом Грацианом и получить его благословение на открытие в Гвинбурге школы для девочек под патронажем Гведских сестер.

⁵ Templum Domini – храм Господень (лат.).

– Монсеньор Грациан такой милый старичок, – щебетала болтушка Эмилины, не обращая внимания на неодобрительное лицо сестры Абигель. – Он целиком поддержал наши планы, помолился вместе с нами и обещал пожертвовать школе тысячу гведских крон! Это ли не прекрасно!

– Пообещать, еще не значит жениться, – улыбаясь, заметил Мартиниус. Сестра Эмилины смутилась.

– Ну что вы, месьер нотариус! Монсеньор Грациан конечно сдержит свое слово. Ведь он же архиепископ!

– Монсеньор не может обманывать! – поддержала Эмилину вторая менее совершенная сестра Гармония. – Помилуй меня Деус, даже подозревать такое грех!

– А вы что думаете по этому поводу, прекрасная дева? – постарался втянуть Мелодию в беседу ротмистр Гильбоа. Наконец-то он нашел повод заговорить с ней!

Девушка смущенно пожала плечами.

– К своему стыду должна признаться, что я не очень религиозна. Но думаю, представители магического сословия такие же люди, как и все остальные. Иногда могут и слукавить.

Сестра Абигель с негодованием воззрилась на Мелодию.

– Вот и видно мамзель, что вы не религиозны! Совершенно не знаете наше священство!

– Осторожнее мадемуазель Мелодия! Мы едем к очень набожным людям, – вмешался нотариус. – Гвинбург – глухая окраина нашего благословенного королевства и тамошний народ до сих пор свято верит в разных ангелов и демонов.

– И даже в Темного Человека? – насмешливо спросил гусар.

– Разумеется, – кивнул Мартиниус.

– Что еще за Темный Человек? – заинтересовалась Мелодия.

Все посмотрели на сестру Абигель, признавая ее здесь главным авторитетом в вопросах веры. Более совершенная сестра неохотно прошипела своим противным голосом:

– Это очень древнее поверье. Оно появилось давным давно, еще во времена гномов. Ужасное поверье. Люди верят, что Хозяин Темной Долины – места, где находятся человеческие души после смерти, посылает Темного Человека за самыми страшными грешниками, чтобы забрать их в Темную Долину. У Темного Человека нет отражения в зеркалах, нет тени. Он сам тень. В других краях Темного Человека называют Исторгателем Жизней, Неживым. Тот, кто встретит Темного Человека, встретит собственную смерть.

Молодые монахини побледнели и торопливо сделали охранительные знаки. Мелодия зябко поежилась. Бравый ротмистр недоверчиво усмехнулся в большие усы. Мельхиор вопросительно посмотрел на своего патрона. Нотариус ласково погладил по голове сладко спящую Барабару.

– И вы верите в эту страшную сказку? – снова спросил Мартиниуса Гильбоа, насмешливо улыбаясь.

Маленький нотариус весело рассмеялся.

– Вынужден признаться, что, если я и не верю в легенду о Темном Человеке, тем не менее, хорошо защищен от него. Сейчас похвастаюсь! Мельхиор достаньте, пожалуйста, шкатулку.

Мельхиор молча достал из-под сиденья саквояж, открыл его и вытащил шкатулку из красного дерева.

– Что это такое? – сразу же задала вопрос любопытная Эмилины. Остальные путешественники тоже с интересом принялись разглядывать красивую вещь.

– Это набор средств для борьбы с Темным Человеком! – торжественно объявил нотариус. – Этой шкатулке больше ста лет. Но она до сих пор полностью готова к использованию!

– Как интересно, – задумчиво протянула Мелодия, робко касаясь крышки, на которой были вырезаны затейливые узоры, напоминающие иероглифы неведомого языка.

– А по-моему Тёмный Человек вымысел от первого до последнего слова. Существуют только физические законы. Я не верю в мистику. Во всяких там демонов, призраков, злых колдунов и черную магию, – заметил гусар, празднично вертя в руках курительную трубку из тыквы-горлянки. Ему чертовски хотелось курить, но из-за дам он не решался и с нетерпением ждал остановки.

Мельхиор, повинаясь жесту своего патрона, поднял крышку шкатулки и путешественники склонились над ее удивительным содержимым.

– Какая странная коллекция, – произнесла Мелодия, беря в руки тяжелый перстень.

– Осторожнее, мадемуазель, – не сдержался Мельхиор. – Эта вещица может оказаться опасной!

Мелодия удивленно посмотрела на молодого человека своими пронзительными черными глазами.

– Почему этот старый перстень опасен?

– Если надеть перстень на палец и произнести заклинание, то вы превратитесь в невидимку, – ответил нотариус вместо своего помощника.

Мелодия живо повернулась к старику.

– А вы знаете это заклинание, месьер?

Тот улыбнулся девушке.

– Ну что вы, мадемуазель. К сожалению или счастью, никто на свете его уже не помнит.

Мелодия со вздохом разочарования положила перстень обратно в шкатулку.

– Как жаль. Наверное, было бы интересно...

– А зачем так много кинжалов? – показал ротмистр трубкой на шкатулку.

– Став невидимым, человек должен был окропить Тёмного Человека святой водой и осыпать землей с могилы Святого Вилема, потом пронзить ему кинжалами руки и ноги, а последним кинжалом сердце. И, наконец, прочитать в молитвеннике какую-то убивающую молитву. Счастливчик, исполнивший все в правильной последовательности, мог больше не бояться Тёмного Человека и дожить до глубокой старости. Все проклятия и наложенные на него злые чары навсегда пропадали.

– Однако довольно сложная процедура, – заметил Гильбоа. Тем временем, насладившись произведенным впечатлением, нотариус велел Мельхиору убрать шкатулку обратно в саквояж. Юноша немедленно исполнил приказание. На душе у него было беспокойно. Ему казалось, что от этой древней шкатулки исходит какое-то непонятное зло. Всем своим существом Мельхиор ощущал, как зло наполняет почтовую карету. Разум отказывался верить, но сердце подсказывало, что вот-вот произойдет что-то ужасное. Это ужасное неотвратимо надвигается, оно уже совсем близко. Спрятав саквояж под сиденье, Мельхиор устроился у окна и тихонько прошептал, сделав охранительный знак рукой: «Гведикус, отвори беду, даруй удачу!»

Гведские сестры достали нехитрую снедь, разложили ее на откидном столике и, дружно пробормотав слова молитвы, принялись обедать. График движения кареты не предусматривал остановки на обед. Путники могли поесть горячей пищи только вечером, когда устраивались на ночлег на каком-нибудь постоялом дворе и рано утром перед отправлением в путь. Выносливые вольдемарские кони были в состоянии целый день без отдыха тащить тяжелую карету. Кучер и фореитор только поили их через равные промежутки времени.

Глядя на жующих монахинь, остальные тоже почувствовали аппетит. Бравый гусар развернул замасленный сверток, достал из него жареную курицу, поставил полную флягу сладкой мадеры из Гведской Вест-Индии и любезно пригласил свою соседку оказать ему честь составить компанию. Мелодия не стала чиниться, благодарно сверкнула жгучими глазами и добавила к угощению ротмистра свои скромные припасы: баночку овощного салата, орехи, несколько яблок, груш, горсточку сухофруктов.

– Дядя Бенедикт, а мы когда будем обедать? – подала голос Барабара. Девочка села на сиденье и потерла ладошками заспанные глаза.

– Выспалась, егоза? – сказал нотариус, подавая Барабаре влажный платок. – На, освежи лицо и руки. Сейчас будем есть.

Мельхиор быстро собрал на стол. Саския позаботилась, чтобы хозяин, его помощник и маленькая племянница в пути не голодали. Добрая повариха напекла целую гору пирожков с мясом, капустой, вареньем. В отдельном холщовом мешочке лежала пара дюжин куриных яиц, сваренных вкрутую. В стеклянных банках ждали своего часа салаты и овощное рагу. В плетеной корзине были уложены два больших румяных караваев пшеничного хлеба, копченая колбаса, сыр, масло. Специально для Барабары Саския припасла сладкое рассыпчатое печенье и конфеты. Чтобы еда не казалась путешественникам слишком сухой, в пузатых флягах плескалось портобельское белое вино для нотариуса с Мельхиором и ягодный морс для девочки.

На время все разговоры умолкли. Обед для гведов – дело серьезное, не терпящее суеты. Даже Барабара не болтала как обычно. Ее рот был надежно занят сладкими пирожками.

Монахини управились первыми. Они аккуратно сложили недоеденное в свои котомки и хором произнесли благодарственную молитву. После чего, дружно раскрыв молитвенники, погрузились в чтение священных текстов. Ротмистр Гильбоа налил мадеры в красивый чеканный кубок, кубок протянул Мелодии, а сам принялся угощаться прямо из фляги. Мелодия, поблагодарив улыбкой галантного офицера, достала маленькое серебряное зеркальце в оправе из черного мрамора и начала прихорашиваться. Нотариус с помощником потягивали портобельское белое. Барабара кормила конфетами фарфоровую куклу. Девочка, подражая маме, недовольно бормотала себе под нос. Видимо, кукла капризничала. В общем, каждый занимался своим делом, а почтовая карета все скрипела и скрипела, увозя путешественников к Атласным горам.

Глава третья. Осы

К вечеру над верхушками деревьев показались белоснежные вершины Атласных гор. День заканчивался. Солнце быстро садилось. Небо потемнело, лесной воздух стал холоднее. Настало время подумать о ночлеге.

Уже в сумерках карета свернула с дороги у деревянного указателя в виде протянутого к лесу пальца. На пальце с трудом можно было разглядеть надпись: «Харчевня „Отравленный путник“ – 200 шагов». Устало скрипя и раскачиваясь на неровностях тяжелый экипаж преодолел эти двести шагов и остановился.

– Здесь вы можете поужинать и переночевать, уважаемые, – громко объявил кучер, слезая на землю. Форейтор принялся распрягать потных лошадей. Пассажиры по очереди стали покидать надоевшую карету. Первым, гремя саблей, выскочил ротмистр Гильбоа, вежливо подал руку Мелодии и помог ей спуститься на землю. Затем гусар, отвернувшись, торопливо закурил свою длинную трубку. Вслед за офицером и девушкой из кареты, охая и ахая, выбрались монахини. Слышно было, как затекшие суставы тощей сестры Абигель трещали, словно сухие ветки. Последними снаружи очутились нотариус с Мельхиором и Барабарой.

Харчевня «Отравленный путник» представляла собой большое двухэтажное бревенчатое здание, построенное много лет назад на широкой поляне среди соснового леса. На первом этаже располагалась собственно харчевня, а второй этаж занимали комнаты для путешественников. Перед харчевней на поляне стояло несколько карет и экипажей. В стороне, ближе к лесу виднелись фургоны племени Скитальцев. Там высоко горел костер и на фоне дрожащих языков пламени мелькали темные силуэты людей. Оттуда доносилась веселая музыка, смех, собачий лай. Скитальцы – эти вечные странники, жили в фургонах с полотняным верхом, колесили по всему королевству и зарабатывали себе на хлеб гаданием, песнями, танцами, бывало, что промышляли воровством. Их не очень-то жаловали власти, но терпели, потому что Скитальцы были народом мирным. Они держались особняком от местных жителей. К тому же у старейшин Скитальцев всегда вовремя находился мешочек с золотыми монетами для строгих чиновников и полицейских. Десяток блестящих кружочков с гордым профилем короля Флориана волшебным образом смягчали сердца даже самых суровых начальников. Верные поданные обожали своего доброго короля, особенно на монетах.

Прихватив с собой дорожные сумки и саквояжи, путешественники зашли в харчевню. Несмотря на сомнительное название, она была полна дорожным людом. В большом полутемном зале стоял ровный гул разговоров. Словно деловитое жужжание пчел в ульи. За прочными дубовыми столами на лавках сидели проезжающие и плотно ужинали. Обильная еда запивалась пивом, яблочным вином, местной можжевелевой водкой. Резко пахло табаком, чем-то жареным и кислым.

За одним из столов шла шумная игра в «Три орешка». Компания молодых подмастерьев азартно болела за товарища, проигрывавшего раз за разом бородатому хитроглазому Скитальцу свое жалованье. В самом темном углу зала на трехногой табуретке сидел слепой старик с длинной седой бородой. Старик негромко наигрывал на лютне для увеселения почтенной публики. Судя по нескольким медным монетам в замасленной шапке на полу перед музыкантом, на него мало кто обращал внимания.

Между столов, обливаясь потом, бегали с железными подносами подавальщицы – две тучные женщины неопределенного возраста в цветастых платьях, поверх которых были надеты фартуки, посеревшие от времени и стирок. За стойкой хлопотал хозяин харчевни. Это был, огромного роста, здоровенный гвед. Его белая полотняная рубаша, растянутая на волосатой груди, трещала под напором могучих мышц. В ухе здоровяка болталась серебряная серьга в форме сидящей собаки. Хозяин проворно разливал суп по глиняным тарелкам,

выкладывал на блюда ломти ветчины, аккуратно нарезал колбасу, наполнял пивом высокие кружки.

– Мениска! Где тебя демоны носят? Обслужи благородных господ! – оглушительно рявкнул хозяин харчевни, бросив беглый взгляд на вошедших путешественников. К ним подскочила, пыхтя и отдуваясь, одна из подавальщиц.

– Прошу вас сюда, уважаемые, – показала на единственный незанятый стол толстуха. – Уж не обижайтесь, что таким благородным местьерам достались места на сквозняке возле входа. Сегодня у нас не протолкнуться!

– А свободные комнаты для ночлега у вас есть? – с сомнением спросил ее нотариус. Мартиниус выглядел в своем костюме полноправного члена Гильдии гведских нотариусов, как настоящий царь грибов. Он был одет в широкий до пят черный плащ с высоким красным воротником, а на голове величественно возвышался черный бархатный колпак с красным помпоном и красными же квадратными широкими полями.

– Как же, как же! – зачастила любезная подавальщица, обтирая тряпкой стол. – Две комнаты всегда свободны для пассажиров почтовой кареты. Одна комната для дам, другая для достопочтенных местьеров. У нашего Адама договор с королевской почтой!

Проголодавшиеся за долгий день путешественники заказали себе ужин. Каждый в соответствии со своим вкусом и содержимым кошелька. Аскетичные гведские сестры – куриный бульон в котелке, овощи, немного козьего сыра. Мелодия – омлет с луком, а на десерт желе из мяты. Ротмистр – огромную порцию жареной картошки с мясом и кружку пива. Нотариус для себя и Мельхиора – по шницелю с макаронами в томатном соусе, для Барабары и ее куклы горячие оладьи с медом.

На улице совсем стемнело. Из окон потянуло ночной прохладой. Хозяин зажег в харчевне чадающие масляные факелы. Много света они не прибавили, зато напустили в помещение копоты. Гул голосов стих. Люди постепенно расходились. Слепой музыкант в углу наигрывал печальную мелодию.

Монахини невнятно бормотали вечернюю молитву. Сытый Гильбоа лениво курил свою трубку, развалившись на лавке. Мелодия задумчивоковыряла вилкой остатки омлета. Барабара сонно жевала через раз сладкую оладью. Ее кукла спала у маленькой хозяйки на коленях. Нотариус и Мельхиор тоже уже клевали носом. Пора было ложиться спать.

Кучер Феликс подошел к столу и объявил:

– Не забудьте, уважаемые. Отправление завтра в восемь часов. Мы с Георгом будем спать в карете. Сторожить почту. Спокойной вам ночи и прошу не опаздывать!

Строгий кучер в сопровождении фореитора удалился. Подошедшая Мениска собрала с путников плату за ужин и ночлег. Ссыпав в карман фартука серебряные квадранты, гведские кроны и полукроны, она повела усталую компанию на второй этаж. Мельхиор нес Барабару на руках. Девочка, обхватив его за шею, крепко спала, зажав к кулачке медовую оладушку.

Двери комнат, в которых путешественникам предстояло провести ночь, располагались в узком коридоре друг против друга. Налево для дам, направо для кавалеров. Мениска зажгла в комнатах свечи, открыла окна, чтобы было не душно. Холода летом можно было не бояться. Потом добрая толстуха пожелала всем спокойной ночи и спустилась по лестнице в харчевню.

Мелодия, Абигель, Гармония и Эмилиа закрылись у себя, а мужчины со спящей Барабарой принялись располагаться на ночлег в своей комнате. Мельхиор осторожно уложил девочку на постель возле окна и укрыл тонким шерстяным одеялом. Потом улегся на соседнюю кровать. Липкую от меда оладью он, освободив ее из плена пальцев Барабары, оставил на подоконнике. Снимать одежду Мельхиор не решился, скинул только башмаки. Нотариус с офицером устроились напротив. Гильбоа отстегнул саблю и положил ее рядом с собой.

Мартиниус ложился спать основательнее всех. Он аккуратно снял с себя свой пышный наряд, повесил его в шкаф, а саквояж со шкатулкой профессора Зудика сунул под кровать. Потом, задул свечу, тихонько ворча себе под нос, залез под одеяло, повозился, устраиваясь поудобнее и, наконец, затих. Ротмистр уже спал, похрапывая. Как и всякий военный, он привык мгновенно засыпать и мгновенно просыпаться.

Мельхиор лежал, закрыв глаза – сон не приходил. За окном шумел лес, треском отзываясь на порывы ветра. Казалось, что весь мир состоит из этого леса. Бесконечного, могучего, темного. В открытом окне была видна луна – белая монета на черной скатерти неба. На душе было как-то непонятно. Тревожно. Что-то пугало и давило. Какое-то плохое предчувствие гнало сон прочь. Мельхиор поплотнее прикрыл глаза и принялся думать о хорошем. Спустя некоторое время он незаметно уснул.

Первым проснулся ротмистр. Его разбудил странный звук, наполнявший комнату. Гильбоа рывком сел на кровати и машинально схватил саблю. Стояла глухая ночь. Даже луна скрылась за плотными облаками. Казалось, что непроницаемая тьма вибрировала от неперестанного движения каких-то невидимых крошечных тварей. Они с неприятным звуком кружили во мраке возле носа, касались щек, путались в волосах. Гусар испугано замахал свободной рукой перед лицом.

– Что это за погань, три тысячи демонов и кулаки Деуса?! – проревел он, вскакивая с кровати. – Изрублю!

– Постарайтесь не делать резких движений, месьер Гильбоа! – взволновано предупредил нотариус. Он уже возился в темноте у стола, зажигая свечу. – Мельхиор, немедленно выносите отсюда Барабару!

Ничего не понимающий спросонья, помощник, бросился к кровати, с которой раздавались испуганные вопли девочки:

– Дядя Бенедикт, Мельхиор! Где вы? Я боюсь!

Мельхиор, схватив в охапку Барабару вместе с одеялом, направился к двери. Нотариус зажег свечу и высоко поднял ее в руке. В неверном свете стало видна клубящаяся над кроватями туча маленьких злых созданий. Одни из них с пронзительным воем атаковали ротмистра, другие сплошным ковром покрыли брошенные постели, третьи превратили медовую оладью, лежавшую на подоконнике в большой шевелящийся комок.

– Осы! – закричал Гильбоа, отмахиваясь от них саблей.

– Скорее наружу! – скомандовал Мартиниус и, вытащив из-под своей кровати саквояж со шкатулкой, устремился к выходу. Мельхиор с визжащей от страха Барабарой на руках последовал за своим патроном. Отважный гусар прикрывал отступление.

– Что случилось? Почему вы так шумите? – встретила их в коридоре испуганная Мелодия. Девушка в ночном халате выглядывала из женской спальни.

– Наш ночлег превратился в осиное гнездо! – крикнул Гильбоа, с грохотом захлопывая за собой двери. – Целая армия разъяренных зверюг с огромными жалами напала на нас врасплох! Мы едва успели унести ноги!

– Откуда тут осы? Да еще ночью? – недоуменно спросила сестра Абигель, высовывая из-за плеча Мелодии свое худое морщинистое лицо. Более совершенная сестра была одета в длинную ночную рубашку похожую на саван. В этом печальном наряде костлявая сестра Абигель походила на покойницу, умершую от голода.

– Почем я знаю, откуда они взялись?! – в ярости прорычал ротмистр. – Надо позвать хозяина или хотя бы одну из этих его дев, тугих телом! Мениску! Пусть сами полюбуются, что у них здесь творится!

– Я схожу, найду кого-нибудь, – предложила Эмилины и, не дожидаясь ответа, с горячей свечой спустилась по лестнице вниз. Гармония побежала следом за подругой.

– Вы пока можете уложить девочку на мою постель, – предложила Мелодия Мельхиору. Она улыбнулась молодому человеку и повернулась к Мартиниусу. – А вы, месьер нотариус, можете оставить саквояж в нашей комнате.

Расстроенный Мартиниус только с досадой отрицательно покачал головой. От улыбки Мелодии сердце Мельхиора сладко замерло. Он открыл было рот, чтобы поблагодарить любезную девушку, но Барабара перебила:

– Я не хочу спать! Я хочу посмотреть, как вы справитесь с осами. И моя кукла Харизма там осталась. Ее нужно спасти!

Барабара потребовала, чтобы Мельхиор опустил ее на пол. Юноша охотно выполнил приказание капризной девчонки. У него и так уже затекли руки. Барабара завернулась в одеяло, решительно посмотрела на дядю и топнула ножкой.

– Хочу свою оладышку!

Мартиниус только тяжело вздохнул, уныло сморщив длинный нос.

– Твою оладышку сейчас осы жрут! – раздраженно сказал Гильбоа, стоя у двери в комнату из которой они так бесславно бежали. Гусар прислушивался к тому, что происходило за дверью. Гул осиногo роя не утихал. Может дерзкие насекомые решили навечно обосноваться в «Отравленном путнике»?

Абигель вдруг протянула руки к саквояжу нотариуса.

– Давайте, месьер, я спрячу ваши вещи у нас. Уверю, их никто там не возьмет.

Однако Мартиниус отшатнулся от тощей служительницы богов. Он крепче прижал саквояж к груди и пробормотал:

– Нет-нет, не беспокойтесь, сестра. Саквояж останется при мне. Он не тяжелый.

На лестнице раздались грузные шаги. В коридоре появился здоровяк-хозяин в клетчатой пижаме. Он освящал себе путь огромным пылающим факелом. За его широкой спиной виднелись обе менее совершенные сестры. Коридор сразу наполнился дымом, движением и шумом. Стало тесно.

– Тысяча проклятий и борода Деуса! – прогремел хозяин харчевни. – Почему вы не даете спать добрым людям, уважаемые?

Нотариус и гусар в нескольких словах объяснили, что случилось. Богатырь кивнул.

– Да, ос тут полно. В этом году их расплодилось невиданно. У меня руки не доходят спалить все их гнезда.

Барабара, которая с восхищением взирала снизу вверх на огромного хозяина харчевни, проговорила:

– Осы не любят дыма. Папа у нас в саду всегда их дымом выкуривал

– Истину глаголишь, девчушка, – согласился здоровяк. – Так мы и сделаем, клянусь Святой Пейрепертузой!

Он поудобнее перехватил факел, распахнул дверь и исчез в гудящей темноте. Ротмистр тут же захлопнул дверь страшной комнаты. Барабара насмешливо посмотрела на офицера.

– Разве вы не поможете месьеру Адаму? – с невинным видом спросила девочка. – У вас же есть оружие.

– Не всякую битву можно выиграть саблей, – смущенно ответил Гильбоа и после паузы тихо добавил:

– Маленькая заноза...

За дверью раздавался грохот опрокидываемой мебели и яростная брань хозяина. Собравшимся в коридоре, стало ясно, что бой разгорелся нешуточный. Не выдержав изощренного сквернословия богатыря, сестра Абигель заткнула пальцами уши и исчезла в женской спальне. Ее менее совершенные, но более любопытные сестры остались. Мелодия тоже молча стояла, не сводя взгляда с саквояжа в руках нотариуса. Казалось, она о чем-то глубоко задумалась.

Наконец, дверь мужской спальни широко распахнулась. На пороге появился хозяин харчевни. За его спиной клубился дым. Он победно потряс факелом и громогласно заявил:

– Я справился с этой дрянью! Теперь вы можете спать спокойно, уважаемые.

Все с опаской зашли в задымленную комнату. Действительно, от ос не осталось ни следа. Только перевернутые стулья, сдвинутый стол и разбросанные по полу мелкие вещи свидетельствовали о том, что здесь недавно шло ожесточенное сражение.

– А где моя оладушка? – требовательно спросила здоровяка Барабара. Тот пожал широченными плечами.

– Я ее выбросил за окно. На твоей оладье устроилась поужинать добрая половина всего роя.

Девочка капризно скривила губы.

– Хочу чего-нибудь вкусного!

Нотариус, подбиравший с пола вещи, недовольно пропищал:

– Барабара, перестань вредничать! Мы только что пережили атаку опасных существ, нужно навести порядок и ложиться спать. Скоро уже рассвет. Если не можешь справиться с аппетитом, возьми конфету!

Обиженная Барабара уселась на свою постель спиной к мужчинам и принялась баюкать куклу, которая всю осиную войну пролежала на подушке.

– Ну, что же, – сказал хозяин, направляясь к выходу, – завтра сожгу все осиные гнезда около дома. А в компенсацию за испорченный отдых, вы утром получите по стаканчику отличного вина из виноградников Южной Александрии.

Он грозно нахмурил брови, глянул на кислую девочку и добавил:

– А для маленькой своенравной мадемуазели я специально испеку сладкий коржик!

Не поворачиваясь, Барабара примирительно пробурчала:

– И еще один для Харизмы!

Глава четвертая. Продолжение пути

Ночное нападение ос не обошлось без последствий. Утром ротмистр Гильбоа с трудом узнал себя в зеркале. Одна щека у него опухла, левый глаз превратился в щелку. Мельхиора оса ужалила в руку, а нотариуса в ногу. Только Барабара, благодаря одеялу, осталась цела и невредима. И конечно Харизма.

За завтраком все путешественники зевали, терли красные глаза и с трудом глотали пищу. Даже бокалы со сладким южноалександрійским вином не подняли настроение. Тревожная бессонная ночь давала о себе знать.

Закончив завтрак, все попрощались с богатырем-хозяином, тоже, кстати, покрытым багровыми шишками, любезной Мениской и второй подавальщицей – молчаливой Лирой, погрузились в карету и тронулись в путь.

По сторонам дороги снова потянулись бесконечные заросли: сосны, ели, колючие кусты барбариса, желтой акации, лещины, шиповника. Прохладный утренний воздух лился в открытые окошки кареты. Запах хвои и лесных трав бодрил даже самых сонных. Барабара показывала кукле густой лес за окном, что-то рассказывала и заодно прислушивалась к тому, о чем говорят попутчики. Путешественники обсуждали ночной переполох.

– Клянусь своей саблей, я никак не пойму, почему осы собрались в мужской спальне? Да еще ночью! – недоумевал ротмистр Гильбоа. Сестра Эмилины с состраданием посмотрела на его опухшее лицо.

– Возможно, всему виной стала медовая оладья, которую девочка принесла с собой?

Гусар глянул на монахиню единственным зрячим глазом.

– Я прежде всегда думал, что осы ночью спят, также как и все остальные добрые подданные славного короля Флориана!

– Значит, этих ос что-то привлекло в нашу комнату. Что-то или кто-то – между прочим заметил нотариус, на минуту отвлекаясь от чтения толстого тома «Гведского родословника». Мартиниус тратил много времени на изучение происхождения старинных гведских родов: Пергаментов, Арнольди, Даниэллей, Козелл-Козликов, Кронье, Делибрандов и других. История родной страны была одним из его давних увлечений. Королевский Геральдический департамент в лице нотариуса нашел самого преданного читателя своего издания «Собрание гведских вельмож».

– Но зачем, доминус? – недоуменно задал вопрос Мельхиор.

– Тут явно не обошлось без колдовства, – вмешалась в разговор сестра Абигель. – Слава Гарде-заступнице, что у нас есть с собой ваша шкатулка, месьер нотариус!

– А шкатулка-то тут причем? – удивилась Мелодия.

Более совершенная сестра снисходительно посмотрела на девушку.

– У Темного Человека есть много имен. Одно из них – Осиный Король!

При этих словах, произнесенных зловещим скрипучим шепотом, обе менее совершенные сестры ойкнули и одновременно сделали руками охраняющий знак. Сестра Абигель продолжала шептать:

– Согласно древнему преданию, Темный Хозяин – черный господин Преисподней, наделил Темного Человека властью над всеми опасными тварями земными.

– Хватит нас пугать старинными сказками! – перебил монахиню ротмистр. – Вы везде готовы видеть колдовство, сестра Абигель! Наверное, сестра Эмилины права – это сладкая оладья привлекла голодных ос. Все очень просто, без всякой мистики и суеверий!

– А вы как считаете, месьер нотариус? – спросила Мартиниуса Мелодия. Тот опять оторвался от книги.

– Что кажется правдой – неправда, что кажется истиной – ложь, что кажется белым – черное. В этом существо злой магии.

– Значит, вы тоже верите, что ос на нас наслал Темный Человек? – недоверчиво усмехнулся гусар.

Нотариус только пожал плечами и снова углубился в хитросплетения генеалогического древа баронов Арнольди.

Поняв, что от Мартиниуса толку не дождешься, Гильбоа повернулся к сестре Абигель и с вызовом спросил:

– А как еще называют Темного Человека, всезнающая дева? Откуда нам ждать следующей напасти?

Более совершенная сестра, прижала к сердцу молитвенник, словно защищая себя от удара. Потом тихо выдохнула:

– Владыка Змей!

– О, Создатель! Еще и змеи! – в шутливом ужасе воскликнул ротмистр. Впрочем, его никто не поддержал. На некоторое время в карете воцарилось молчание. Тишину робко нарушил Мельхиор.

– Может быть, это проделки Скитальцев?

– Скажете тоже, молодой человек, – тут же не согласился гусар. – Зачем Скитальцам натравливать на нас ос?

– Чтобы обокрасть, – не сдавался Мельхиор. – Всем известно, что Скитальцы тащат все, что плохо лежит! Может быть, они рассчитывали, что мы разбежимся и они без помех присвоят себе наши вещи.

– Да что у нас брать-то? – спорил ротмистр. – Десяток серебряных гведских крон? Тоже мне богатство!

– Я никогда не слышала, чтобы Скитальцы нападали на добрых людей, – поддержала Гильбоа Мелодия. Она сделала паузу, потом задумчиво добавила:

– Хотя, когда я была совсем маленькой, моя прабабушка рассказывала, что эти люди хорошо владеют магией, поэтому я думаю, Скитальцы вполне могли заколдовать ос.

Пока путешественники спорили, почтовая карета миновала несколько небольших селений и достигла подножия Атласных гор. Рельеф местности изменился. Зеленый лес кончился. Дорога начала подниматься вверх между скал. Лошади, тяжело дыша, всхрапывая, роняя белоснежную пену с удил, упорно тащили тяжело нагруженный экипаж. Поминутно раздавались резкие окрики кучера и фореитора, понукающих бедных животных. Слышно было щелканье бичей. Отсюда почтовый тракт через Межгорную теснину в Атласных горах вел из Зеленой страны в Гвинляндию. Чудовищные склоны Большой горы, занимающей весь центр королевства, вздымались справа от дороги. Горизонт впереди закрывали снежные пики Атласных гор – хребта, отделяющего Зеленую страну от Гвинляндии. Воздух заметно похолодел.

– А правда, дядя Бенедикт, что в глубине Большой горы прячется гигантская пещера? – задала вопрос Барабара. Нотариус отложил книгу в сторону.

– Есть такая легенда, дитя мое. Эту пещеру называют Бездной. Хозяин Подземелья – Старый Мастер. Он сторожит сокровища, накопленные гномами за тысячелетия. Говорят, что вход в Бездну в Черном лесу. Сейчас уже никто не знает, где этот вход. В Бездне обитает Жуть и другие чудовища незапамятных времен. Там растут грибные леса – в мрачном безмолвии тянут вверх длинные бесцветные стволы. В древности в Бездну ссылали самых опасных преступников. Некоторые от расправы бежали туда сами. Никто обратно не вернулся. Все сгинули в бездонном мраке. В гвинских летописях говорится о том, что Эшель, Семнадцатый Граф Гвинов у входа в пещеру построил небольшую крепость, чтобы люди не могли спускаться вглубь Большой горы.

Нотариус посмотрел на Барабару и улыбнулся:

– Но все это лишь легенды, моя милая Барабара. Никто не знает, что в них правда, а что нет.

– Черный лес – место загадочное и страшное, – упрямо сказала сестра Абигель. – В самой его чаще прячутся обитатели отшельников. В зарослях можно наткнуться на Безымянных.

– Кто такие Безымянные? – тут же спросила Барабара.

Старая монахиня пожала острыми плечами.

– Они живут в Черном лесу. Имени их никто не знает, поэтому местные жители – сильваны, называют их Безымянными. Этим народом управляет Лесной Старец, сплошь покрытый зеленой татуировкой.

– Кто-нибудь видел этого вашего Лесного Старца? – засмеялся ротмистр. – Чего только невежественные сильваны не придумают!

– Не смейтесь, месьер, – заступилась за свою более совершенную сестру Эмилину. – Я тоже слышала про Черный лес много всяких ужасов.

– А мы после Межгорной теснины как раз через него и поедem! – ехидно заметил Гильбоа. – Через Черный лес в Вилемусбург. Я вернусь в свои кавалерийские казармы, а вы переправитесь через Вилемину и сквозь Гвинский лес двинете до Гвинбурга. Другой дороги нет!

– Спаси и сохрани нас Гарда-защитница, – пробормотала сестра Абигель.

– Ничего, прорвемся и не надорвемся! – легкомысленно пропела девочка, расчесывая волосы Харизмы игрушечным гребнем.

Сестра Абигель с укоризной посмотрела на Барабару, но промолчала.

– Неужели вы, месьер ротмистр, не боитесь ничего на свете? – с интересом спросила Мелодия бравого гусара.

– Ну что вы, прекрасная дева! – подкрутил усы Гильбоа. – Настоящий гусар не боится даже гнева самого Деуса! А мифического Темного Человека, Лесного Старца, которого никто не видел или Старого Мастера из пещеры, бояться просто глупо!

Мельхиор почувствовал болезненный укол ревности, когда увидел, каким восхищенным взглядом Мелодия одарила отважного гусара. Конечно, что простой юноша мог противопоставить нарядному мундиру, закрученным усам и блестящей сабле ротмистра? Свою скромную комнату на втором этаже особняка на Зеленой улице в Квакенбурге или жалованье помощника нотариуса в двести гведских крон?

«Женщины ведь как сороки – падки до всего яркого и блестящего», – успокаивал себя Мельхиор, а на сердце у него все равно лежал камень. Кстати о камнях. Дорога среди скал вывела карету на самый верх Межгорной теснины и начала плавными изгибами спускаться к зеленеющим внизу купам деревьев. Справа, на вырубленной в скале ровной площадке высилась громадная гранитная статуя. Гвинский граф в полном рыцарском вооружении, опираясь на прямоугольный щит, охранял свои владения. Каменный истукан был высечен здесь давным-давно, еще во времена Гведикуса – волшебника с черным орлом на правом плече и белым голубем на левом. Впрочем, эту легенду в Гвееции знает каждый ребенок. Много веков тому назад три брата-близнеца Алкуин, Мелуин и Кируин, ведя на поиски новой земли остатки жителей погибшей Страны Цветов Флорианы, встретили волшебника у широкой реки. Гведикус помог беглецам обрести новую родину. Близнецы попросили его быть покровителем и заступником их народа. В его честь они назвали страну Гвеецией, себя гведами, а реку, где произошли эти события – Гведианой. Но все это случилось так давно...

Через несколько миль голых скал снова пошли заросли. Сияющие белизной Атласные горы теперь высились позади путешественников. Дорожный указатель оповестил, что карета едет уже по Гвинляндии. До Вилемусбурга остался день пути.

Глава пятая. Вилемусбург

К главному городу Гвинляндии славному Вилемусбургу путешественники подъехали в темноте. Далеко позади остались сверкающие Атласные горы, зловещий Черный лес, бревенчатые поселки сильванов, долгая дорога вдоль реки. Вилемина – самая большая река графства, причудливо петляла среди невысоких холмов и дорога добросовестно следовала ее изгибам, значительно удлиняя путь до гвинской столицы.

Почтовая карета, влекомая измученными тяжеловозами, въехала в Восходные ворота, немного попетляла по запутанным улочкам центра и, наконец, остановилась у почтовой конторы на площади Воздушных змеев. Гостиница «Золотая стрекоза», в которой предстояло провести ночь путешественникам, находилась прямо напротив почты, на другой стороне площади.

– Выгружайтесь, уважаемые, приехали! – нарушил кучер мягкую вечернюю тишину. – В «Золотой стрекозе» вас ожидает сытный ужин и удобные постели. Мы с фореитором ночуем в экипаже, как обычно. Отъезд завтра утром в восемь. Прошу всех встать вовремя!

Один за другим путешественники покинули надоевшую за долгий день карету. Ротмистр Гильбоа по-военному коротко кивнул монахиням, пожал руки нотариусу и Мельхиору, легонько потрепал по голове Барабару, которая недовольно поморщилась. Потом он повернулся к Мелодии, взял ее руку в свою и галантно поцеловал, щекоча пышными усами.

– Как жаль, что мне придется вас оставить, прекрасная дева, – произнес гусар, обращаясь к девушке. – Но долг для офицера всегда стоит на первом месте.

– Ну что же, каждый должен следовать своему долгу, – без особого сожаления сказала Мелодия. – Прощайте, отважный гусар!

– Умоляю вас, не говорите этого ужасного слова «прощайте», ведь мы же еще встретимся? – с надеждой воскликнул Гильбоа.

– Возможно, – улыбнулась Мелодия и, давая понять ротмистру, что разговор окончен, повернулась к монахиням.

– Вы готовы сестры?

Женщины двинулись в сторону освещенной масляными фонарями гостиницы. Эмилиана, шедшая последней, пару раз оглянулась на офицера. Успокоенный Мельхиор последовал за монахинями, ведя за руку Барабару. Гильбоа с отчаянием посмотрел на нотариуса.

– Ну, почему все девы, которые мне нравятся, неизменно меня оставляют? Клянусь своей саблей, это какое-то семейное проклятие!

Мартиниус успокаивающе похлопал несчастного ротмистра по плечу.

– Если Создатель не дал тебе того, что ты хотел, значит, впереди тебя ждет один из двух вариантов: либо Создатель даст что-то еще лучше, либо не даст вообще ничего.

Бедный гусар только печально вздохнул.

Гостиница «Золотая стрекоза» была заведением не шикарным, но вполне приличным. Ничего общего с убогим «Отравленным путником». Усталых путешественников встретил бархат кресел, стекло зеркал, серебро посуды. Входящих приветствовал молодой энергичный месьер, одетый в фиолетовый сюртук с квадратными пуговицами из латуни:

– Добро пожаловать в «Золотую стрекозу»! Позвольте оказать вам традиционное гвинское гостеприимство! Меня зовут Даниэль и я к вашим услугам, уважаемые!

– А ос у вас нет? – с подозрением спросила Барабара, оглядываясь.

– К сожалению ос у нас сейчас нет, но если вам очень нужно, то за отдельную плату...

И месьер многозначительно подмигнул девочке. Мол, обо всем можно договориться. За отдельную плату, разумеется.

– Нет-нет, – поспешил вмешаться нотариус. – Боюсь, вы неправильно поняли мою племянницу. Мы как раз в осах не нуждаемся.

– Мы нуждаемся в ужине и ночлеге, Даниэль – сварливо проскрипела сестра Абигель, поворачиваясь лицом к услужливому месьеру. Взглянув на исхудавшее суровое лицо более совершенной сестры, тот непроизвольно вздрогнул, но признал справедливость слов монахини.

– Вы совершенно правы, сестра, вам необходимо срочно подкрепиться. Прошу сюда, – месьер показал на дверь, ведущую в обеденный зал.

Устроившись за столом, все, не сговариваясь, заказали гвинскую бобовую похлебку – знаменитое блюдо, слава о котором гремела по всему королевству. Любой гвед знает, что, если хочешь поесть настоящее лакомство из черных бобов, лесных трав и нежнейшей свинины – поезжай в Вилемусбург. Не пожалеешь! Мартиниус, вспомнив былое, спросил, имеется ли в «Золотой стрекозе» хинная настойка из Новой Гвееции. Настойки не оказалось, но взамен подавальщица предложила на выбор несколько сортов ячменного пива, можжевеловую водку и южное виноградное вино. Пришлось нотариусу довольствоваться местным пивом.

– Тихо тут у вас, – заметил Мартиниус, обращаясь к миловидной подавальщице в фиолетовом платье и кокетливом кружевном передничке. Действительно, во вместительном зале ужинало едва с пяток посетителей.

Подавальщица усмехнулась.

– Просто сейчас лето. Приезжих немного. Видели бы вы, месьер, что тут творится осенью. Во время ежегодной ярмарки на День Близнецов у нас яблоку негде упасть. И кто только не собирается в Вилемусбурге! Торговцы, ремесленники, селяне. Бродячие артисты: певцы, танцоры, комедианты, лицедеи, жонглеры, акробаты, пожиратели пламени. Жулики всех мастей: карманные воришки, грабители, взломщики, мошенники, нищелюбы. Про Скитальцев я уже и не говорю! Эти со всей Верхней Гвееции съезжаются. Целый месяц улицы перепроложены их фургонами! Ни пройти, ни проехать!

– Любопытное должно быть мероприятие. Жаль, что я не смогу на нем побывать, – проговорил нотариус, с аппетитом принимаясь за бобовую похлебку.

Гведские сестры уже закончили благодарственную молитву и теперь наперегонки наполняли желудки. Они заказали на троих одну общую тарелку, как это положено по уставу ордена Гведских Братьев и Сестер. Ложки монахинь мелькали, как колесные спицы. Мельхиор старался не глядеть в их сторону, потому что из-за монахинь сам машинально начал торопиться. Мелодия сидела за столом, как на званном вечере. Было видно, что ее мысли далеко отсюда. Может быть, в кавалерийских казармах? Кто знает? Барабара измазала похлебкой фарфоровое личико Харизмы и теперь вытирала его платком, укоризненно ворча на куклу-неряху.

– Как обидно, что мы пробудем в Вилемусбурге всего одну ночь, – закончив есть, обратился к Мельхиору нотариус своим писклявым голоском.

– Почему, доминус?

Мартиниус поднял вверх тонкий длинный палец.

– В этом городе есть много интересных мест, которые я с удовольствием бы осмотрел.

– Например, доминус?

– Например, дворец Гвинских Графов. Он построен триста лет назад, потом, конечно, много раз перестраивался, несколько раз горел и снова перестраивался. Сейчас это одно из красивейших зданий королевства. Каждый день ровно в полдень у дворца происходит смена городской стражи. Под торжественную музыку одна рота в нарядных фиолетовых мундирах сменяет другую. Исключительно красочное зрелище! Кроме того, перед дворцом Гвинских Графов находится монумент Ангелу города из цветного мрамора. Вы, конечно,

знаете, что в каждом гведском городе есть памятник своему Ангелу города, но здешний особенно красив.

– А еще что ты хотел бы увидеть, дядя Бенедикт? – спросила Барабара.

Нотариус отхлебнул пива.

– В Вилемусбурге похоронен Святой Вилем. В честь его и назван город. Могила Святого Вилема находится в городском соборе. Без сомнения, также интересное место.

Мартиниус допил пиво, удивленно посмотрел в пустую кружку и вдруг хлопнул себя ладонью по лысине.

– Да, чуть не забыл! «Ведьма из Вилемусбурга», отравившая мышьяком двадцать два человека! На окраине города можно увидеть развалины ее дома.

Мельхиор в раздумье почесал затылок.

– Признаться, я ничего не знаю о ней. Вроде слышал что-то, но совершенно не помню.

Мелодия вышла из своей задумчивости.

– Я слышала об этой женщине.

Мужчины с удивлением посмотрели на девушку. Мелодия продолжила:

– Ее звали...

Девушка замолчала, словно не могла выговорить имя. Нотариус пришел ей на помощь:

– Если не ошибаюсь, Анна Кароли?

Мелодия кивнула.

– Да, это так. Анна Кароли.

– Ведьма и отравительница! – злобно прошипела сестра Абигель. – Настоящее исчадие ада, погубившее множество людей. В Гвинляндии ее еще долго не забудут!

– А что она сделала, эта Анна? – спросила Барабара.

– Лучше тебе этого не знать, невинное дитя! – сердито ответила сестра Абигель. – Это слишком ужасно. Будешь плохо спать по ночам!

– Действительно, Барабара! – засуетился нотариус. – Уже поздно. Тебе пора в постель!

Разумеется, девочка с этим утверждением была не согласна. Она обиженно надула губы и заявила:

– Мы с Харизмой одни спать не пойдем! Вдруг здесь тоже осы?

– Ну что же, придется и нам ложиться, – согласился захмелевший нотариус. Он вытащил из-под стола неизменный саквояж со шкатулкой и встал со стула. Все последовали его примеру. Расплатившись за вкусный ужин парой гведских крон, они разошлись по своим комнатам. В «Золотой стрекозе» путешественники устроились на ночлег с гораздо большими удобствами, чем в лесной харчевне. Мартиниуса поселили вместе с Барабарой. Мельхиор и Мелодия получили по отдельной комнате. Гведские сестры потребовали себе спальню с тремя кроватями. Оказалось, что все такие номера уже заняты. После недолгой заминки, находчивый Даниэль все же устроил их всех вместе, на одной огромной постели.

Глава шестая.

Пришелец из Темной Долины

Весь Вилемусбург спал. Спали горожане, уставшие за день от своих забот, спали домашние животные, спали птицы в гнездах. Беспокойно шевелились во сне бродяги на ступенях собора Святого Вилема. Даже караул у дворца Гвинских Графов дремал, тяжело навалившись на длинные мушкеты, упертые в землю. Казалось, что уснул даже сам воздух — не чувствовалось ни малейшего ветерка. Темное летнее небо с яркими каплями звезд заботливо укрывало сонное королевство, давая отдохнуть всем живым существам. Лишь редкие уличные фонари скупо освещали опустевшие улицы.

В гостинице «Золотая стрекоза» царила мертвая тишина. Ни один звук не нарушал покоя, царившего в ее коридорах и помещениях. Едва слышное потрескивание, присущее всем старым зданиям, а, кстати, дому, где располагалась гостиница недавно исполнилось сто восемьдесят лет, не могло нарушить крепкий сон постояльцев.

Даниэль, как впрочем и каждую ночь, спал в каморке возле входа. Ему снился увлекательный сон в котором он был не расторопным заведующим гостиницы, а знаменитым капитаном королевского фрегата, суровым бородатым морским волком, с золотыми галунами на обшлагах. Он бороздил моря и океаны, пировал в южных портах с экзотическими красотками, бесстрашно бился на шпагах с одноглазыми пиратами. Во сне рекой лилась кровь, вино и золотые пиастры. Временами Даниэль тревожно вскрикивал, дергал руками, ногами, потом затихал, успокаивался, улыбался. Тонкая струйка вязкой слюны стекала из его рта на подушку. Это был очень глубокий сон, поэтому заведующий не мог слышать, как дверь гостиницы медленно отворилась и чья-то грузная фигура бесшумно промелькнула мимо каморки в коридор, ведущий к номерам.

Мельхиор тоже видел сон. Юноша гнался за Мелодией по темному лесу. Несмотря на то, что Мельхиор напрягал все свои силы, он никак не мог поймать девушку. Мелодия все время ускользала из рук Мельхиора, оборачивалась и насмешливо смеялась. Это продолжалось очень долго. Наконец, они оказались на залитой призрачным лунным светом поляне. Здесь Мельхиору удалось догнать Мелодию и схватить ее за плечо. Он рывком развернул девушку к себе. Лучше бы ему этого не делать. Вместо Мелодии на Мельхиора смотрела мерзкая старуха. Старая карга жутко ослабилась и спросила страшным нечеловеческим голосом:

— Где шкатулка?

С трудом Мельхиор разорвал липкие путы сна. В комнате было очень темно. Юноша пришел в себя и хотел сесть, но к своему ужасу почувствовал, как его горла касается холодная сталь клинка. Он невольно вскрикнул. Нечеловеческий голос из сна снова спросил:

— Где шкатулка? У тебя или старого сморчка?

Что это? Сон, явь? Сознание Мельхиора окончательно запуталось. Он попытался проснуться еще раз, вырваться из ночного кошмара. Но не тут-то было. Острое лезвие никуда не исчезло, а глаза, привыкшие к мраку комнаты, заметили очертания громадной страшной фигуры, нависшей в темноте над кроватью Мельхиора. Он в панике залепетал что-то невразумительное.

— Спрашиваю в последний раз. Где эта проклятая шкатулка?

Нечеловеческий голос буквально парализовал Мельхиора, лишил его способности думать, действовать, сопротивляться. В этом чудовищном голосе не было эмоций. Вообще никаких. Одна ледяная, бесстрастная злоба. Конечно, человеку такой голос принадлежать не мог.

– Шкатулка у нотариуса, – простонал Мельхиор. Он еще успел почувствовать на своем лице, что-то сырое, неприятное, с незнакомым смердящим запахом, прежде чем непонятное беспамятство увлекло его в равнодушное Никуда.

В безмолвии прошло несколько часов.

«Наверное, так выглядит смерть», – первая мысль Мельхиора была именно такой. Это была запоздавшая мысль из прошедшей ночи. Мельхиор потерял сознание раньше, чем слова успели родиться, а теперь они догнали его. Что с ним произошло? Может быть, он уже в Темной Долине? Но почему так сильно болит голова? Может ли болеть голова у тех, кто умер? Юноша немного помедлил и, наконец, со страхом открыл глаза. Он все еще был в «Золотой стрекозе». Судя по всему, стояло раннее утро. Гостиничный номер был освещен теплыми солнечными лучами. Слышно, как в коридоре хнычет Барабара, которая не желает идти на завтрак. Писклявый голосок нотариуса просит несносную девчонку не капризничать. Знакомые звуки. Обычная жизнь.

Может быть, дьявольский голос ему приснился? Мельхиор оглядел комнату. Никаких следов ночного гостя. Все вещи на своих местах. Только раскалывается голова, шея помнит прикосновение холодного металла и в ушах стоит зловещий равнодушный голос.

Так и не решив, приснился ли ему кошмарный сон или действительно кто-то ночью проник в его комнату, Мельхиор принялся торопливо одеваться. Нужно было спешить.

За завтраком Мельхиор рассказал, что случилось с ним ночью. Он умолчал только о том, как он во сне преследовал Мелодию. Вся компания слушала помощника нотариуса затаив дыхание. Испуганные монахини поминутно делали охраняющие знаки, нотариус недоверчиво морщил длинный нос, а Мелодия с равнодушной улыбкой ела блинчики с малиновым вареньем, запивая еду сладким травяным настоем. Барабара, кислая и невыспавшаяся, уговаривала свою фарфоровую Харизму скушать блинчик.

– Я так до сих пор и не понял, что это было – сон или нет, – закончил свой рассказ Мельхиор. Он вздохнул и грустно посмотрел на горку масляных блинчиков. Есть ему совершенно не хотелось. Ночное происшествие отбило всякий аппетит.

– Молитесь, молодой человек! Просите Гарду-защитницу заступиться за вас! – воскликнула сестра Абигель. – Боюсь, что к вам приходил Темный Человек!

– Зачем Темному Человеку понадобилась шкатулка? – удивилась Эмилиана.

– Это и хомяку понятно, моя менее совершенная сестра, – язвительно проскрипела сестра Абигель. – Темный Человек хочет лишить нас, добрых людей, оружия против него. Что тут неясного?

– А вы как считаете, мадемуазель, – обратился нотариус к Мелодии, – нашего Мельхиора действительно напугал Темный Человек?

Мелодия обвела всех взглядом больших черных глаз.

– Я полагаю, что вашему бедному помощнику приснился кошмар. Богатое воображение плюс слишком сытная бобовая похлебка, тяжеловатая для столичных желудков, сыграли с вами, Мельхиор, злую шутку.

Девушка пожала плечами.

– Впрочем, откуда мне знать? Может быть, это было привидение?

– Почему же Темный Человек не забрал шкатулку у дяди Бенедикта? – задала вопрос Барабара.

Мельхиор молча покачал головой. Он сам уже задавал себе этот вопрос, но ответа не нашел. Мелодия улыбнулась девочке.

– Вот видишь, это только доказывает, что молодому человеку приснился страшный сон. Настоящий Темный Человек, узнав, что шкатулка у месьера нотариуса, конечно же, отправился бы за ней в соседний номер.

Барабара испуганно посмотрела на Мартиниуса.

– А если Темный Человек придет, ты справишься с ним, дядя Бенедикт?

Нотариус погладил девочку по голове.

– Не бойся, Барабара. Темного Человека не существует. И потом, у нас же есть шка-тулка!

На улице путешественников ожидал еще один сюрприз. Возле почтовой кареты стоял, покуривая трубку, не кто иной, как ротмистр Альфонс Ромуальд Бартоломей Гильбоа собственной персоной. С большими усами и длинной саблей.

– Какая приятная неожиданность, дорогой ротмистр! – воскликнул нотариус, сердечно приветствуя гусара.

Гильбоа радостно улыбнулся старым знакомым.

– Еду с вами до Гвинбурга. Наш полковник дал мне важное поручение. А для офицера приказ командира – это закон!

На самом деле, пылкий ротмистр сам напросился съездить в Гвинбург. Старый полковник не стал удерживать в полку одного из своих самых блестящих офицеров. Если бы не малый рост, ротмистр давно бы уже служил в королевской гвардии. Войны сейчас нет – пусть прогуляется!

Пока карета медленно пересекала город, направляясь к Закатным воротам, путешественники рассказали гусару про невероятное ночное происшествие с Мельхиором. Ротмистр удивлялся, переспрашивал, вникал, пылко поглядывая при этом на Мелодию. Девушка делала вид, что не замечает жарких взглядов гусара. На ее лице застыло выражение тревоги. Мелодия ничем не показывала, что ей приятно возвращение ротмистра. Барабара, увлекшись, снова и снова повторяла Гильбоа историю, случившуюся с Мельхиором. Услышав уже в который раз про старого сморчка, Мартиниус, наконец, взмолился: «Ну, хватит, Барабара! Все уже наизусть выучили каждое слово, сказанное несуществующим Темным Человеком!» Девочка обиделась, замолчала и демонстративно уставилась в окошко.

Тем временем лошади, понукаемые Феликсом и Георгом, протащили карету мимо Блошиного рынка на площади Десяти грехов, у знаменитого кабачка «Пивная кружка» повернули на Каштановую улицу, достигли красивого каменного моста, украшенного львиными мордами с кольцами в пасти, бронзовыми статуями, слегка тронутыми зеленоватой патиной, и переправились на другой берег Вилемины. Под перезвон колоколов, доносящийся со стороны собора Святого Вилема, карета по проспекту Трех близнецов добралась до Закатных ворот Вилемусбурга. Несмотря на ранний час, перед воротами вытянулась длинная очередь всевозможных повозок, желающих покинуть город. Феликс с досадой натянул вожжи. Пассажиры почтовой кареты высунулись в окошки.

– Опоздали! Теперь будем долго стоять, – проворчал кучер, доставая трубку и жестяную коробку с табаком.

– Придется ждать, уважаемые, – предупредил путешественников Георг, подходя к карете.

– Почему такая задержка? – спросил нотариус у фореитора.

– Все торопятся выехать пораньше и заранее собираются у ворот, когда они еще закрыты, – словоохотливо объяснил Георг. – На другой стороне реки, у Восходных ворот точно такая же картина. Все вилемусбургские ворота открывают в шесть часов, но экипажей собирается так много, что за два часа все не успевают проехать. Стража и так уж их особо не проверяет. Внимательно смотрят документы и груз только у самых подозрительных или тех, кто похож на разыскиваемых преступников. Вон их портреты красуются на заборе у ворот.

Георг показал на деревянный забор, оклеенный несколькими десятками потрепанных бумажек. Возле забора в скучающей позе стоял полицейский констебль в черной форме. Несколько других констеблей проверяли подъезжающие к ним одну за другой повозки.

После долгого ожидания почтовая карета поравнялась с воротами. Один из полицейских городской стражи заглянул внутрь, мельком оглядел путешественников и, не заметив ничего подозрительного, хотел выйти.

– Одну минуту, констебль, – неожиданно остановил его нотариус. – Не могли бы вы мне сказать, кто сегодня утром первым покинул город?

Полицейский хмуро посмотрел на Мартиниуса, на его пышный наряд и нехотя процедил:

– А почему я должен вам отвечать, месьер?

Нотариус ловко опустил в карман констебля серебряную квинту – монету в пять гведских крон и вежливо произнес:

– Теперь у вас есть целых пять причин, чтобы все-таки удовлетворить мое любопытство.

Полицейский помедлил, припоминая.

– Первой была огромная карета, вся в завитушках, позолоте и гербах.

– А кто сидел внутри?

Констебль неохотно признался:

– Никто не видел хозяина кареты. Его кучер бросил нам пару золотых флорианов. Этого было достаточно, чтобы начальник караула велел пропустить такого знатного месьера.

– А герб вы запомнили?

– Золотой единорог, вставший на дыбы. Раньше я этот герб не видел.

– Благодарю вас, констебль, – учтиво сказал Мартиниус. – Я узнал все, что хотел.

Глава седьмая. Нападение

Широкая Вилемина за Вилемусбургом неторопливо текла по глубокой долине. Оба берега утопали в густой зелени. Дорога на Гвинбург пролежала вдоль реки, время от времени, прячась от нее в глубине Гвинского леса. Отдохнувшие лошади дружно тянули почтовую карету по гладкой дороге, посыпанной кирпичной крошкой. Час пролетал за часом, как легкие хлопья тополиного пуха мимо окна. Мелодия разглядывала мелькающие деревья. Гильбоа нежно смотрел на девушку. Монахини дремали, прижавшись друг к другу, как птенцы в тесном гнезде. Барабару укачало и она, обняв любимую куклу, уснула на узком сиденье. Ее голова лежала на коленях у дяди. Нотариус хотел углубиться в «Гведский родословник», но Мельхиор отвлек его вопросом:

– Возможно доминус, это не мое дело, но я хотел бы знать, почему вы спросили констебля о том, кто утром первым покинул Вилемусбург?

Мартиниус задумчиво потер нос.

– Я подумал, что если ночной гость вам, Мельхиор, не приснился, то он может постараться приехать в Гвинбург раньше нас.

– Но зачем, месьер нотариус? – спросила Мелодия.

– Чтобы завладеть шкатулкой.

– Если это не Темный Человек, то зачем ему старая шкатулка? – задал вопрос Мельхиор.

– Возможно, она имеет для него большое значение. Такое большое, что он даже был готов перерезать вам горло, мой юный друг, – заметил нотариус.

– Не понимаю, какое такое значение может иметь груда старья, – фыркнул ротмистр.

Мартиниус вдруг наклонился к Мелодии, вытянул свой длинный нос и понюхал воздух. Потом многозначительно поднял вверх палец.

– Все имеет значение. Например, судя по этому сладкому аромату, у вас, мадемуазель, есть сильные фруктовые духи.

– Это тоже имеет какое-то значение? – удивилась девушка. – Или вам просто мешает запах моих духов?

Ответить нотариус не успел. Карета стала резко тормозить. Послышались крики кучера и фореитора, останавливающие лошадей. Барабара проснулась от толчка и села на сиденье, хлопая глазами. Монахини тоже очнулись от дремы. Они недоуменно смотрели на попутчиков, не понимая, что случилось. Мартиниус, Мельхиор и Гильбоа высунули головы в окна кареты.

Дальше пути не было. Дорога, далеко отклонившаяся в этом месте от реки в самую чащу леса, была перегорожена упавшим деревом. Фореитор уже спрыгнул с лошади. Феликс тоже покинул облучок кареты. Теперь оба стояли перед неожиданным препятствием и растерянно чесали затылки. Внезапно случилась беда.

Из кустов справа и слева на дорогу с оглушительным криком выбежали шестеро заросших до самых глаз, краснорожих здоровяков. Одеты разбойники были в удивительную мешанину, в которой потертые кожаные штаны ремесленника соседствовали с бархатной курткой профессора, а грубые солдатские сапоги мелькали рядом с изящными туфлями аристократа. С ног до головы здоровяки были увешаны оружием. Четверо из них атаковали кучера и фореитора, а двое кинулись к карете.

– Хватайте старого сморчка! Шкатулка у него! – крикнул вдогонку этой парочке самый большой из разбойников, замахиваясь саблей на кучера. Феликс едва успел увернуться от удара. Георг выхватил из ножен короткий тесак, который всегда висел у него на бедре и теперь отчаянно отбивался от трех преступников, теснивших его к лесу.

Поняв, что его ненаглядная Мелодия подвергается опасности, Гильбоа обезумел от ярости. Его большие закрученные усы встали торчком, как у кота почуявшегомышь. С воинственным кличем гведской кавалерии: «Бей-убивай!», ротмистр выскочил из кареты и набросился на ближайшего разбойника. От вопля лихого гусара менее совершенные сестры грохнулись в обморок, а сестра Абигель парализованная, неподвижно застыла над их бесчувственными телами.

Ротмистр мгновенно проткнул разбойника насквозь своей длинной саблей. Тот с ужасными проклятиями свалился под ноги гусара. В это время второй головорез сунул голову в окно кареты с другой стороны. Увидев съездившегося на сиденье крошечного старичка в черном плаще с высоким красным воротником, он кровожадно осклабился: «Хэ!» Но Мельхиор не дал в обиду своего патрона. Юноша схватил тяжеленный том «Гведского родословника» и со всех сил ударил разбойника по голове. Тот, с бессмысленной улыбкой, вывалился из окна обратно на дорогу. Барабара завизжала от восторга.

Расправившись с одним противником, Гильбоа бросился на помощь к, уже изнемогавшим, кучеру и фореитору. Феликс, вооружившись большой веткой, слабо отмахивался от главаря шайки. Георг, тяжело дыша, бегал кругами вокруг большой сосны, уворачиваясь от остальных разбойников.

– Зарублю, тараканы! – заревел ротмистр в бешенстве. Несмотря на свой малый рост, Гильбоа был силен, ловок и быстр. В несколько прыжков он настиг самого большого разбойника. Напрасно главарь шайки пытался отбить разящий удар гусара. Куда там! Гильбоа, грациозно повернувшись на носках, с отвратительным хрустом отсек здоровяку руку, сжимающую саблю. Бедняга, пронзительно вскрикнув, сделал несколько шагов назад, словно пытаясь убежать, и потерял сознание. Он рухнул на покрытую хвоей землю, заливая все вокруг себя кровью. Оставив, задыхающегося от усталости Феликса, ротмистр поспешил на выручку к фореитору. Однако разбойники, увидев, какая печальная участь постигла их товарищей, скрылись в лесу. Через несколько мгновений треск кустов, через которые ломались испуганные бандиты, стих. Бой кончился так же неожиданно, как начался.

Придя в себя, перепуганные монахини выскочили из кареты. Белая как снег Мелодия, напротив, осталась сидеть на своем месте. Мартиниус с трудом удерживал в карете свою племянницу. Любопытная Барабара рвалась наружу.

Феликс подошел к разбойнику, которого ротмистр поразил первым. Головорез перестал изрыгать проклятия и больше не шевелился.

– Этот готов, – сказал кучер, осторожно трогая тело ногой.

– Этот тоже, – показал тесаком на труп главаря Георг.

Упав на колени, монахини громко возблагодарили Гарду-заступницу за спасение.

– Зато этот в полном порядке, – проворчал Гильбоа.

Ротмистр несколько преувеличил. Разбойник, конечно, не был в таком уж порядке. Он сидел на земле, привалившись спиной к колесу кареты, и глупо улыбался. Видимо, Мельхиор слишком сильно его ударил увесистой книгой.

– Как тебя зовут, бездельник? – спросил лиходея Гильбоа. Напрасно. Здоровяк продолжал молча скалить зубы.

Конюх и фореитор тщательно обыскали пленного. Потом устроили его на козлах кареты. Крепко привязанный к задней скамейке, он уже никуда не мог деться.

– Сдадим негодяя первому попавшемуся полицейскому или жандарму, – решил Феликс. – Не оставлять же его в лесу.

С этим решением согласились все. Мужчины оттащили с дороги, мешающее проезду дерево, путешественники заняли свои места и карета тронулась дальше. В молчании проехали несколько гведских миль.

– Как ваша голова, Мельхиор, все еще болит? – спросил юношу нотариус.

– Уже нет, доминус. Наверное, головная боль прошла от испуга, – нехотя улыбнулся Мельхиор.

Мартиниус удовлетворенно кивнул. Обиженная на весь мир Барабара ехидно сказала:

– А ты слышал, дядя Бенедикт, как главарь крикнул своим подручным: «Хватайте старого сморчка! Шкатулка у него!»

Нотариус сморщился как от зубной боли.

– Это невежливо, девочка моя, повторять слова невоспитанного лесного разбойника. Я все прекрасно слышал!

– Темный Человек, который ночью напугал нашего Мельхиора, тоже называл тебя старым сморчком, – безжалостно продолжала гадкая девчонка.

– Может быть, это был один из разбойников? – предположил Гильбоа.

Мельхиор отрицательно покачал головой.

– Не думаю. Ночной пришелец был громадный, с нечеловеческим голосом. Совершенно без выражения. Каким-то металлическим. Как будто заговорила железная печная труба.

– Ночью, да спросонья еще и не то покажется, – скептически заметил ротмистр.

– Все же есть какая-то связь между этим, так сказать Темным Человеком и головоре-
зами из Гвинского леса, – задумчиво проговорил нотариус.

– А где вы собираетесь остановиться в Гвинбурге, месьер Мартиниус? – отвлек нота-
риуса ротмистр.

– Я не знаю. Поищем какую-нибудь недорогую гостиницу.

Гильбоа улыбнулся в густые усы.

– У меня есть лучшее предложение. Моя старшая сестра Матильда содержит неболь-
шой пансион. Я всегда останавливался у нее, когда бывал в Гвинбурге. Недорого, чисто,
домашняя еда. Правда, мы не виделись уже три года, но клянусь своей саблей, вы останетесь
довольны!

– Ну что же. Я с удовольствием воспользуюсь вашим любезным предложением, доро-
гой ротмистр, – ответил нотариус. И вдруг обратился к Мелодии, которая мысленно опять
была где-то далеко:

– А вы, мадемуазель? У вас есть, где остановиться в Гвинбурге?

Девушка вздрогнула от неожиданности и машинально пробормотала:

– Я живу в Гвинбурге с отцом.

– А, так вы возвращаетесь в родной дом! – добродушно пропищал нотариус. – Навер-
ное, соскучились?

Мелодия замялась, не зная, что сказать:

– Да, нет, а впрочем... Вы, наверное, правы месьер Мартиниус. Конечно, соскучилась.

Видя ее замешательство, нотариус тактично оставил девушку в покое и снова обра-
тился к гусару:

– Как называется пансион вашей уважаемой сестры?

– Пансион «Беличье дупло» на улице Крокусов.

– Замечательно! – потер руки довольный нотариус. – Какие романтические названия!

Глава восьмая. Пансион «Беличье дупло»

Как ни торопились Феликс с Георгом, настегивая лошадей, почтовой карете понадобилось скрипеть весь день, чтобы к вечеру, путешественники, наконец, увидели древние стены замка Барбакан. Когда-то замок строптивых гвинбургских баронов Арнольди, одно время враждовавших с самим королем, гордо господствовал над округой. Он, как хищный орел, нависал над городскими кварталами. Селяне и ремесленники, торговцы и менялы – все покорно отдавали в замок немалую долю своих доходов. Но те жестокие времена давно миновали. Теперь Барбакан лежал в руинах. Ров, опоясывавший замок, был завален обломками и мусором. Громадные полуразвалившиеся башни мрачно возвышались над остатками стен. Бесформенные кучи дикого камня больше ничем не напоминали о надменном знатном роде, правившем в этих местах. Последний из баронов умер много лет назад. Сейчас в старом замке хозяйничали только привидения (куда же без них!), пугая по ночам грабителей, бродяг и сумасшедших кладоискателей.

Остановившись у ворот Гвинбурга, путешественники потратили некоторое время на то, чтобы сдать городской страже полуживого, но все так же улыбающегося разбойника. Полицейский инспектор назвавшийся Леопольдом Мукомелем – веселый, дружелюбный, толстый, видимо, большой любитель вкусно покушать – тщательно заполнил протокол, переписал имена всех пассажиров кареты, дал им расписаться и отпустил.

Нотариус спросил у стражников, охраняющих ворота Гвинбурга, не въезжала ли сегодня в город большая роскошная карета. Очередная серебряная квинта подстегнула память полицейских и они дружно ответили, что, действительно, незадолго до приезда такого щедрого местьера, карета с золотым единорогом на дверцах, промчалась мимо них. Они не стали ее задерживать, потому что кучер на ходу швырнул им четыре полуфлорина – по одному на брата. Но в отличие от хмурого вилемусбургца, гвинбургские стражники сразу узнали герб. Это был родовой знак баронов Арнольди прекрасно известный каждому жителю баронии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.